АЛЕКСАНДР КОНДРАТЬЕВ

СНЫ

VITA NOVA

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Состязания смертных с бессмертными в греческих мифах обычно заканчиваются плохо для смертных. Потому что бессмертные присвоили себе право устанавливать правила игры. А когда грозит проигрыш, они легко меняют эти правила…

- Александр Кондратьев
  - ○

Александр Кондратьев
Фамирид

Дорогому учителю
Иннокентию Федоровичу Анненскому

…Фамирис же, как красотою тела, так и пением в гусли превосходя иных, о мусикии имел прю с Мусами; договоряся, ежели он победит, то со всеми ему лежати; а ежели побежден будет, то он лишен будет, чего они хотят…

Аполлодор. Библиотека. Москва, 1725

Ни одного облачка не было на синем небе. Солнце стояло уже довольно высоко, и зной становился нестерпимым. Все живое старалось укрыться от жгучих лучей златокудрого Феба в сырую тень глубоких оврагов или под ветви изредка здесь и там растущих дубов. По горным тропинкам глухих геликонских отрогов шагал одинокий путник. Сильно устали его покрытые пылью ноги, а кожа сандалий во многих местах потерлась. За спиною болталась легкая тыква, внутри которой давно было сухо; через плечо висела красивая пестро раскрашенная кифара. Путник, видимо, сбился с дороги и шел наугад, заставляя взлетать из-под ног вспугнутых им куропаток. Тропинка, идя по которой он должен был попасть в небольшое селение, как-то пропала, сменившись другою, приведшей странника в дикую глушь поросших кустами орешника и одичавшего лавра холмов Геликона.

Кругом не было видно ни земледельца, ни охотника с тенетами; не доносилось звуков свирели стерегущего бурых коз пастуха, у которого можно было бы спросить про дорогу. Одни лишь кузнечики трещали без умолку.

Фракийский певец Фамирид, поправив висевшую сбоку кифару, пошел напрямик сквозь кусты и вереск в овраг, куда манила на отдых прохладная тень олеандров. По глыбам камня, покрытым зеленым бархатным мхом, Фамирид спустился в поросшее лесом ущелье. Тут можно было вздохнуть свободнее.

Над головою, в темно-зеленых ветвях ворковали дикие голуби. Пройдя около двух-трех полетов стрелы, путник увидел поляну, среди которой росла группа старых дубов и несколько стройных тополей. Меж них из кучи камней вытекали светлые струйки, образуя круглый родник, обрамленный густым тростником. Из него выбегал ручеек и, змеясь по зеленому лугу, скрывался в темном лесу.

Измученный длинной дорогой, странник подошел к роднику и опустился возле него на цветы черных ирисов и лилово-синих фиалок. Затем он снял круглую шляпу с полями, кифару, пустую тыкву, сумку из шкуры дикой свиньи, положил на траву свой длинный дорожный посох, а сам, став на колени, припал губами к холодной чистой воде и долго не мог от нее оторваться.

В глубине родинка что-то мелькнуло…

Кончив пить, Фамирид вынул из сумка два ячменных, с медом спеченных хлебца и утолил ими свой голод. Затем он взял в руки кифару и негромко запел гимн в честь полевых и сельских божеств. Он славил великого Пана, розовых нимф рек и лесов, воспевал хоровод ореад и мохнатых сатиров на повитых ночным туманом росистых полянах. И песня его неслась над цветами долины, трепетала в недвижимых ветвях тополей, и тихо вторило ей жужжание пчел и журчанье ключа.

Спев свой гимн, Фамирид прилег в тени темно-зеленого дуба. Склонив на узловатые корни свою усталую голову, мало-помалу певец задремал.

В полусне фракиец слышал, как тихо шепчет жалобы старый дуб на то, что в дупле у него завелись неугомонные пчелы. Пчелы в свою очередь тонкими жужжащими голосами пели, радуясь сладкому меду, который они собирали с пахучих цветов. Фамирид понимал их голоса, но ему казалось, что он видит все это во сне…

Но вот сильный напор воздуха, как будто от веянья чьих-то громадных крыльев, заставил его встрепенуться и приоткрыть глаза.

С синего неба на залитую солнцем поляну плавно спускался ослепительно белый крылатый конь с пышной золотистою гривой. Вот он коснулся земли, заржал, топоча подбежал к роднику и стал, жадно фыркая, пить. Из тростника послышался чей-то тихий серебряный смех. Кто-то плескался там водою, шуршал и шелестел.

Фамирид лежал неподвижно, боясь пошевелиться и спугнуть дивное видение. Он слышал в детстве от своего учителя, гиперборейца Оленя, про порождение крови Медузы, коня бессмертных Пегаса, но никогда не встречал человека, который

бы мог рассказать, что видел это крылатое чудо.

Но вот Пегас напился, заржал и, топнув о землю копытами, взмахнул белыми крыльями, поднялся на воздух и полетел, поджав передние и слегка опустив задние ноги. Улетая, он все уменьшался в объеме и наконец скрылся в эфире, как пух, несущий семя болотных цветов.

Фамирид крепко стиснул зубами свой палец и, почувствовав боль, убедился, что это не сон.

Крик целой стал сорок вывел его из задумчивости и вновь заставил удивиться. Сороки кричали и спорили на весь лес, кого-то громко осуждая, а он, Фамирид, к своему удивлению, понимал их голоса.

— Мы их увидим, сестры! Дочери Мнемозины прилетят напиться воды к этому источнику. Встретим их презрительным смехом! — кричала одна из сорок.

— Испачкаем их одежду! — предложила другая.

— Отомстим им за наше превращение. На состязании мы спели не хуже их.

— Нет, лучше! — перебила четвертая.

— Богини всегда завидуют смертным, и зависть их бывает ужасна. Думал ли когда благородный Пиерий, что все девять его дочерей станут жертвами муз!

— Сестры, я слыхала недавно, что Каллиопа пела чужую песню. Гимн о скорби Деметры, подхваченный всем остальным их хором, сложен сиренами… Если бы вы знали, о сестры, как подло обидели их музы! Сирены, подобно нам, превзошли сестер феспиад, и те отомстили им, выщипав лучшие перья. Бедные сирены бросились в море и прячут свой стыд на бесплодных камнях, зловеще чернеющих в пене… Я слыхала про них от морской чайки. Ее зовут Гальционой. Волею Зевса она обращена в крикливую птицу за то, что муж в часы нежных утех звал ее Герой…

— Сестры, помните гимн, который мы спели музам? Песню про страх богов, грозный вид Тифаона? Нимфы гор и лесов, слушая эту песню, прятали в страхе лицо, жмурили синие очи. Тонкие губы в кровь музы кусали в злобе, — начала было декламировать одна из сорок.

— Тише, о сестры, они могут прийти и услышать, а тогда вновь обратят нас на этот раз в еще более гадких существ. Не стоит дразнить их. Лучше уйдем!

Так сказала старшая, наиболее благоразумная из сорок.

И сестры, послушавшись ее, улетели. Докучная трескотня их мало-помалу смолкла вдали.

Но тишина тянулась недолго. Фамирид снова услышал

легкий плеск воды и шорох в тростниках. Он встал и сделал несколько шагов к роднику. Там никого уже не было. Одни лишь круги расходились по гладкой водной поверхности. Фамирид стал на колени и нагнулся к источнику. Навстречу ему оттуда с любопытством глядели два сине-зеленых глаза. Из глубины виднелось молодое лицо полупрозрачной, увенчанной черными ирисами нимфы. Слегка улыбались розоватые губы. В светлом кристалле источника белели полудетские плечи и тонкие красивые руки. Стройный стан был опоясан длинным стеблем темно-зеленой болотной травы. По мере того, как Фамирид наклонялся, лицо юной наяды в свою очередь приближалось к поверхности. Вот оно чуть-чуть показалось из родника, и послышался голос, тихий, подобный шелесту трав:

— Не удивляйся, о смертный, тому, что ты видишь и слышишь. Судьба допустила тебя испить воды из родника, посвященного музам. Отныне тебе будет понятен язык птиц и зверей, ты будешь видеть богов и богинь, бойся лишь оставаться здесь, дабы музы, явясь, не узнали, что смертный пил из ключа дочерей Мнемозины… Они могут прогневаться…

Полупрозрачное лицо с участием глядело на пришельца. И, стоя на коленях перед источником, так отвечал Фамирид:

— Мне приятен взор твоих синих очей, прекрасная нимфа, твой голос ласкает мне душу. Я не хочу уходить. Пусть являются музы. Я сумею дать им ответ на гневные речи.

Говоря это, фракиец заметил, что нимфа ему улыбнулась, и он, безотчетно склоняясь, робко припал губами к водной поверхности, встретив ими немой поцелуй нежных розовых уст маленькой нимфы…

Кругом царило молчание. Одни лишь кузнечики цыркали на поляне, да над серебристым ключом, ныряя в воздухе, чуть слышно трепетали прозрачными крыльями стрекозы. Мелкие букашки ползали по травам. Вода слабо журчала.

И долго, долго ме мог Фамирид прервать поцелуя.

Но вот образ нимфы заколыхался. Из воды показались и легли на плечи фракийцу две легких бледных руки, а за ними вышли наружу не только лицо, но и вся голоса и тонкие плечи.

— Смертный, у тебя очень горячие губы, — произнесла наяда, — скажи твое имя.

— Зовут меня Фамирид, я родом из Фракии, занимаюсь игрой на кифаре; отец мой — фракийский певец Филаммон, а мать — нимфа Аргиопа…

— Так скройся скорей, Фамирид, как я скрываюсь. Приближаются музы. Я слышу шум их одежд… Прости!

Нимфа исчезла под водою. Черты ее затрепетали, стали

прозрачными и расплылись, как бы тая в холодных чистых струях.

На дне родника были видны теперь лишь мелкие камни, стебли растений и золотистый песок.

Сзади внезапно послышались голоса и шаги. Сын Филаммона оглянулся и тотчас вскочил на ноги.

Несколько одетых в желтые хитоны богинь стояло возле источника.

По осанке, белому цвету лиц, лирам в руках, росту и платью в этих богинях легко можно было узнать дочерей Мнемозины и Зевса, слетевших взглянуть на свой любимый источник.

Увидя фракийца, они в изумлении остановились. Бессмертные музы не ожидали встретить здесь человека, который, как видно, успел уже напиться из запретных для смертного струй. И каково было негодование кастальских сестер, когда этот пришелец, вместо того чтобы пасть ниц, закрывая затылок, продолжал созерцать их движенья и лица.

— На колени, презренный, перед богинями! — громко вскричала Мельпомена.

— Во прах перед нами! — прибавила Урания.

— Как осмелился он лакать из источника муз! — Почему не простерся перед дочерьми Мнемозины? — Почему не закрыл ты лицо, недостойное видеть богинь?

Но Фамирид остался неподвижен. Он был недоволен: богини ему помешали целовать нимфу и, кроме того, поносили его так громко, что нимфа эта не могла не слышать их бранных речей. Сын Филаммона готов был уже дать достойный отпор, но благоразумие взяло верх, фракиец сдержался и начал ровным, спокойным и почти ласковым голосом:

— Вы так нежданно явились, о светозарные! Божественный вид ваш ласкает мне взоры. Зачем же я стану падать на землю и тем лишать себя этого зрелища? Ведь я, как и вы, служу Кифареду и склоняюсь только перед ним…

— Га, несчастный! Он забыл, кто мы такие! Он думает, что может быть равен нам… — воскликнула одна из муз.

— На колени, собака и порождение собаки! — прибавила другая.

Фамирид вспыхнул от гнева. В глубине души он был убежден, что его собственная мать, Аргиопа, была нисколько не ниже дочерей Мнемозины. К тому же отец его Филаммон родился от прекрасной Хионы, принимавшей на свое лоно одного за другим двух олимпийцев.

А потому, горделиво выпрямившись во весь рост, он ответил:

— Вы ведь не принадлежите к числу великих богов. Вы только родились от Зевса. Но сын Крона и мне приходится

сродни. От него темнокудрой Латоной был рожден мой дед Аполлон. В окаймленных гробницами Дельфах девушки до сих пор поют гимны в честь их славного брака, и гимны эти сложил мой отец Филаммон. Если бы к вам не благоволил сын Латоны и не научил вас для своего развлеченья петь и плясать, вы ничем не отличались бы от простых ореад Парнаса и Геликона. Я сын и внук кифаредов и умею не хуже, чем вы, слагать песнопения. Кто, как не я, воспел борьбу олимпийцев с титанами? Кто был увенчан недавно дельфийским лавром на пифиях? К чему же мне преклоняться пред вами? Нет, я не сделаю этого!

И сын Филаммона глядел на богинь вызывающим взором.

Такая смелость привела их в божественную ярость. Крики угроз Пиерид смешались с воплями мести…

Но вот из среды богинь вышла вперед темнокудрая стройная Каллиопа. Лишь она осталась спокойною и, подойдя легкой походкой к безумцу, спросила его равнодушным, презрительным тоном:

— Итак, сын Филаммона, гордый тем, что к твоей бабке когда-то сходил Аполлон, ты не желаешь пасть на колени пред нами? Ты мнишь, что можешь сравниться в искусстве слагания гимнов с нашим божественным хором?

Фамирид встретил ясный, проницательный, слегка насмешливый взгляд божественной музы. Но певец не смутился и не потупил глаз.

— Да, — отвечал он, — я утверждаю, что мог бы вас победить в состязаньи. Примите мой вызов, дочери Зевса!

Новый взрыв негодующих кликов покрыл слова Фамирида.

— Ослепим его! Вырвем наглый язык! Снимем с дерзкого кожу! — кричали в божественном гневе все девять сестер, зловеще надвигаясь на фракийца.

— Интересно, что скажет сын Латоны, когда узнает, что внука его смели обидеть, — произнес Фамирид, невозмутимо глядя на муз. Те, полные бессильной злобы, отступили, не переставая роптать.

Но снова, укротив сестер легким движением руки, стала говорить спокойная Каллиопа:

— Сестры, дадим безумцу спеть нам свои бездарные песни. За ним споемте и мы, и пусть наглец, покрытый стыдом, примет от нас должную кару. Пусть он тогда, издыхая, будет завидовать Марсию!

— Но не теперь! — перебила ее Эрато. — Теперь мы должны лететь на пир к олимпийцам.

— Пусть глупец подождет своего наказания. Назначим ему место и срок, — сказала Урания.

— Где-нибудь выше, средь гор… Чтобы там была ровная площадка.

— В таком случае пусть он ко дню следующей полной луны придет на Пангей; из горных вершин один лишь Пангей не озарен нашей славою. Мы же найдем тем временем судей.

— Теперь же, сестры, летим, и бросим безумца! — И музы собрались улетать.

— Стойте, дочери Зевса! — вскричал Фамирид. — Вы сейчас говорили о том, какая участь постигнет меня в случае вашей победы. Ну, а если не вы одержите верх, а я? Знайте же, что, побежденные мною, вы уступите мне свое место на Парнасе и Геликоне. Я стану тогда вам господином, а вы будете мне служить, разделяя со мною ложе и веселя зрение и слух мой — игрою, пением и пляской. Такова моя воля!

Дружным смехом ответили фракийцу феспиады.

— Хорошо. Только ты победи нас сначала, самомнящий глупец, — ответила за сестер Каллиопа. И легко отделясь от земли, понеслись веселой толпой по эфиру прекрасные музы. Ярко горели на солнце узоры их золотистых одежд и блестящие лиры…

Проводив их взором, певец вновь подошел к роднику, где его ждали уста полувоздушной сребристо-розовой нимфы…

* * *

На сочной, слегка измятой зеленой траве, в тени того же самого дуба неподвижно сидел утомленный объятиями сын Филаммона. На коленях его помещалась легкая, немного задумчивая подруга. Тонкие пальцы ее перебирали черную бороду певца. Улыбкой она старалась скрыть приближение грусти. Туман недавнего счастья еще наполнял ее глубокие зелено-синие очи.

— Есть ли у вас во Фракии нимфы? — спросила наяда, ласково глядя на Фамирида.

— Таких, как ты, нет. Наши нимфы выше ростом, и тело у них более грубо и волосы жестче. Среди них попадается много с рыжими косами. Голос наших нимф громче и сильнее. Если им не нравится путник, они кидают в него огромные камни или сбивают с пути, пугая диким ауканьем…

— Так что я нравлюсь тебе более их? — продолжала допрашивать наяда. Ее маленькие бледные руки обвили шею певца, а лицом она приблизилась к Фамириду.

— Несравненно! — ответил фракиец, улыбаясь.

С минуту длилось молчание. Нимфа впилась испытующим

взором в глаза собеседника, как будто читая в них его судьбу. Лицо ее стало внезапно серьезным.

— К чему тебе вступать в это безумное состязание, вновь начала она. — Или ты полагаешься на беспристрастие судей? Поверь мне, кто бы ни были эти судьи, они не посмеют тебя признать победителем муз. Все ведь знают, что к ним благоволит Аполлон, что они поют на пирах олимпийцев. Все помнят, как они обошлись с дочерьми македонца Пиерия, как они ощипали из зависти бедных сирен. Я слышала твой гимн, Фамирид, он прекрасен, но еще раз молю: не вступай в состязание с их завистливым хором. Неужели тебя так манит ложе богинь? Останься здесь, для меня, и я подарю тебе сына, который будет славен, как ты. Останься со мною, мой дорогой!

И так отвечал сын Филаммона:

— Если б я был мальчиком и безрассудным словом обидел божественных муз, то я не пошел бы, пожалуй, отыскивать их, страшась бессмертного гнева. Но я не мальчик, а муж, успевший уже приобресть почет и известность. Я внук Аполлона, и мой отец содрогнется в темном Аиде, если узнает, что я испугался соревнования и тем помрачил славу, которую он мне оставил в наследство.

Да к тому же я не боюсь состязания; не боюсь оттого, что во мне столько песен, что если бы я каждому богу, каждой богине и нимфе, каждой океаниде или сатиру спел бы лишь по одной, то и тогда моя грудь осталась бы полною ими… Кроме того, я буду просить, чтобы судьею нашего спора был сам светозарный, далеко мечущий стрелы бог Аполлон!..

Божественная подруга Фамирида только вздохнула в ответ на эти слова.

— Что за фигура изображена на твоей обнаженной груди? — после короткого молчания спросила наяда. — Она темная и напоминает лебедя, распростершего крылья. Кто ее тебе нацарапал?

— Каждый благородный человек носит у нас во Фракии подобное изображение зверя, цветка или птицы. Иные раскрашивают их; у некоторых разрисовано все тело. Этого лебедя, вещую птицу Аполлона, изобразил у меня на груди мой учитель, гиперборец Олень…

— О мой милый, не старайся быть победителем на поединке. Стремись лучше смягчить сердце соперниц и уступи им победу!

— Почему ты так этого хочешь, моя дорогая подруга? Ведь я стремлюсь к состязанию вовсе не из желания разделить с ними ложе.

— Нет, не к тому говорю я. Птица твоя вновь пробудила

тревогу в моем сердце. У тебя так много общего с нею… Вы оба служите Фебу… А лучшие песни свои лебедь поет перед смертью… Уступи им победу, и они не тронут тебя!

— Уступить им победу — ни за что! О моя милая, неужели ты не хочешь, чтобы я вернулся к тебе с торжественным зеленым венком на гордо поднятой голове? Неужели ты не захочешь принять в объятия победителя муз и вместе со мною господствовать над ними?..

— Как блестят твои глаза! — со вздохом произнесла нимфа, всем телом прижимаясь к Фамириду.

* * *

На одной из недоступных людям вершин Олимпа, в светлом чертоге искусной постройки хромого Гефеста все было готово для пира. Блестели, как солнце, большие кратеры с нектаром; струили пряные волны чеканные блюда с дивною пищей бессмертных, пахучей амброзией; глаза олимпийцев были полны ожидания, но пир еще не начинался. Не хватало нескольких важных членов бессмертной семьи.

Так, не прибыл еще в колеснице, запряженной парою темных морских твердоногих коней, бог Посейдон со своею сребристохитонной супругой. Не явился могучий Арей. Не прилетала на стае белых голубок пенорожденная Пафия. Не возвращался также посланный Зевсом в мрачное царство брата Гадеса хитроумный сын Майи и несколько прочих богов.

Сидя в сторонке, среди причудливо свившихся туч, Паллада Афина шепталась с увенчанной золотою пшеницей Деметрой. Они всегда были дружны между собою. И теперь одна из богинь поверяла другой какую-то тайну.

В покой к бессмертным на радужных крыльях влетела посланница славной Геры, Ирида. Супруга Зевса тотчас ее подозвала и стала о чем-то расспрашивать… Слегка нахмурясь, на золотистом облаке, послушно принявшем вид царского трона, сидел повелитель бессмертных, и беспокойные взоры его переходили от одной пары богинь к другой, как бы стараясь проникнуть в тайны их сокровенных бесед… Океанида Фетида, к которой тщетно стремились сердца двух великих сынов зубцами увенчанной Реи, рассеянно слушала речи хромого Гефеста. А тот изливался перед морскою богиней в горьких и долгих жалобах на свой супружеский жребий. Вакх Дионис, тонкий, со смуглою кожей и виноградом на темных кудрях, смеясь, повествовал Артемиде, как он сманил перейти в буйные хоры менад

нескольких девственных нимф из свиты богини.

— И еще многих других увлеку я вслед за собой в мои исступленные сонмы, — прибавил сын сожженной Семелы.

Сестра Аполлона, глубоко скрывая в душе обиду, отвечала как бы шутя, что и она найдет случай отнять у бога любимую деву.

— Стрелы мои всегда так беззвучны, — закончила речь Артемида, и в глазах у нее сверкнула угроза…

Вот в чертог впорхнула, мелькая шафранным хитоном, румяная Эос, и могучий Кронид ласково встретил улыбкой юную деву.

Аполлон сидел в стороне, и дума светлою тенью легла на его неземное чело. Сын Латоны тайно страдал, не зная, где и с кем Афродита. Ревность мучила сердце, а мысли одна за другой рисовали с нею то мощного бога войны, то лукавого сына Майи.

В этот миг к нему светлой стройной толпой с печатью заботы на лицах подошли Пиериды, сладкозвучные небесные музы.

— Привет лучезарному богу! — тихо зараз прошептали они.

— Что хотят мне рассказать дочери Мнемозины? — равнодушно глядя на остановившихся перед ним сестер, спросил Аполлон.

— Мы пришли просить тебя, Сладкозвучный… Будь нам судьей!.. Мы, конечно, поем лучше… Выслушай нас и его и рассуди… Просим тебя, рассуди и накажи безбожного фракийца, — заговорили они, перебивая друг друга.

— Кто вас обидел? С кем просит меня вас рассудить ваш взволнованный хор?

— Фракиец Фамирид смел утверждать, что поет лучше, чем мы!

— Какой Фамирид? Уж не сын ли певца Филаммона?

— Ты отгадал, о Лучезарный. Отцом нечестивца был Филаммон.

— Ах, это тот самый Фамирид, что, после смерти сына Хионы, певца Филаммона, учился петь и играть у гиперборейца Оленя? Я видел однажды, как он старался подобрать какой-то скифский мотив на кифаре, которая была одного с ним роста. Мальчик мне тогда порадовал сердце… Так чем же он вас обидел?

— Он стал теперь большим нечестивцем и хвастуном, — мрачно произнесла Мельпомена.

— Или он глуп, потому что только глупцу может прийти в голову мысль спорить с богинями, — поддержала Талия.

— И ты, Аполлон, светлый вождь нашего хора, наш покровитель, ты должен быть нам судьей. Выслушай нас и его, а затем покарай нечестивца. — Так говорила Фебу сама Каллиопа,

старшая чернокудрявая муза, теребя сердито края диплоидиона, окаймленные сложным красным узором…

— Стоит ли слушать глупые речи безумных! Сын Филаммона так юн… Хотите, я ему прикажу молить вас простить ему дерзость?

— О Аполлон, ты как будто жалеешь безбожника. Или, быть может, честь дочерей Мнемозины тебе дорога меньше, чем он? Или тебе неприятна будет наша победа? Накануне следующей полной луны нечестивец будет нас ждать на вершине Пангея. Еще никогда там не звучали наши певучие гимны.

— Бессмертные девы, не сомневаюсь в вашей победе, но самому быть на состязании мне невозможно. Благочестивый царь эфиопов пригласил меня с розоперстою Эос быть у него на пиру накануне полной луны. И я уже дал ему слово. Страна эфиопов всегда была так любезна нашему сердцу, и огорчать их царя я не хотел бы…

Так говоря, Аполлон немного лукавил. Фракиец был ему близок. Сын Латоны вспомнил, как, некогда идя из Дельф, он встретил пышноволосую дочь Дедалия. День был ясный, и жгучее солнце лило на сонную землю свое золотое сиянье. Хиона была так хороша, что Феб, увидев неподалеку сына Зевса и Майи, тотчас же понял, с какою целью ходит вокруг дома царя Дедалия хитрый Гермес. И Аполлон вспомнил, как он, сам плененный светлохитонною цветущею девой, захотел обмануть соперника; с каким нетерпением дожидался он ночи; как наконец настала та черная звездная ночь; как он, приняв вид дряхлой старухи, проник за ограду дворца; как очутился в саду… Вспомнил бог Стреловержец, как он, увидев Хиону в темной девичьей спальне, предстал перед нею, полный сияния, в своем божественном виде. Стыдливо потупив глаза и вся трепеща, упала к нему в объятия томная дева, и бог услышал счастливый и тихий шепот: "Так это был ты?! Так это был ты!" — повторяла она, прижимаясь к пылкому Фебу во время тесных объятий своим телом.

Сперва Аполлон не понял, в чем дело, но вскоре он догадался.

Когда утомленный счастием бог покидал палаты Дедалия и вышел в полный ночной прохлады таинственный сад, навстречу ему из-под ветвистого дуба шагнула чья-то темная тень.

— Кто ты? — спросил Аполлон.

— Гермес приветствует гостя, — ответил стоявший под дубом, и Фебу послышался тихий, еле скрываемый смех.

— Что тебе надо? Как смеешь ты посягать на ложе сына Латоны? Или забыл ты, что стрелы мои никогда не летают мимо?

И вспомнил вновь Златокудрый, как усмехнулся ему в ответ,

опираясь на свой кадуцей, темноволосый сын Майи.

— Знай, Аполлон, что я не ревнив и мне не надо больше томной Хионы. Ты опоздал, я, раньше тебя изведал всю сладость ее поцелуев. Мой кадуцей еще днем усыпил юную дочь Дедалия, и я при сиянии солнца слышал, как замирает, как бьется в ее безупречной груди горячее сердце. Каким ароматом дышали вокруг цветущие травы!.. Прими ж мой привет, сын Латоны! — И Гермес скрылся во мраке…

Тяжело вздохнул, вспомнив все это, бог Аполлон. Любимая им Хиона родила двух близнецов. Один был Автолик — вор, каких на земле еще не видали; другой же, Филаммон, стал кифаредом и был всегда ясен как день. Он пел про дела сына темнокудрой Латоны, жил то в Дельфах, то в холодной и дикой Фракии… Олимпиец знал, что Фамирид родился от Филаммона, сына стыдливой Хионы. И сердце бога сжалось при мысли, что музы, полные злобы, могут убить его внука.

— Знайте, о дочери Зевса, — обратился он к одетым в яркие, пестрые ткани божественным сестрам, — смерть Фамирида будет мне неприятна. Он и его отец слагали мне гимны и научили диких фракийцев чтить мое славное имя.

— Если, о Лучезарный, ты жалеешь в безумце певца, то знай; что не было, нет и не будет среди сыновей, рожденных богинями, кифареда выше ребенка, который носит имя Орфея… Ему мы сами даем воспитание… Но желанье твое, чтобы наш враг остался в живы х, для нас будет священным. — Так говорила, устремив в лицо Аполлону свой проницательный взор, Каллиопа. И Локсий смутился…

— Сын мой, пора усладить слух бессмертных гостей игрою на лире и пеньем, — внезапно послышался голос Тучегонителя Зевса.

Аполлон оглянулся кругом и увидел, что боги уже собрались. Афродита полулежала между царем Посейдоном и мужем, а Гермес с Аресом, впиваясь украдкой в нее голодными взорами, старались скрыть от прочих бессмертных огонь, пожиравший их сердца.

Ганимед, скромно потупив густые ресницы, разносил олимпийцам блестящие кубки. Боги и богини надевали себе на кудри венки… Чело Зевса было спокойно и ясно. Незаметно от брата и Геры ему удалось обменяться улыбкой с зеленоглазой Фетидой… Стройная Геба внесла тяжелый сосуд со священною пищей богов.

Аполлон взял кифару и стал пробовать звонкие струны.

Пир начинался.

* * *

Фамирид торопливо спускался в цветущую долину Стримона. Он опасался опоздать на Пангей к назначенной ему полной луне.

В Фессалии певца на целый день задержал у себя в многобашенном городе Ойхалии царь Эврит, старый его знакомый, учивший когда-то Филаммонова сына обращению с луком. Давно не видавший Фамирида фессалиец велел искусным рабыням вымыть в каменной бане уставшего гостя, а затем устроил в честь его пир. Царская дочь, прекрасная Иола, восхищенная лирою гостя, сама подносила ему большой кубок со слабо разбавленным вином. Но Фамирид был грустен и скользил рассеянным взором по украшенным цветною глазурью стенам; ничто не развлекало героя, и напрасно вздыхала, проходя мимо него с опущенными ресницами, светлокожая голубоглазая Иола.

Узнав в тайной беседе, куда и зачем спешит его ученик, Эврит сверх ожидания не ужаснулся и не стал отговаривать от опасного подвига сына Филаммона.

— Я понимаю тебя, — начал старый герой, развалившись на покрытой белою мягкой овчиной резной деревянной скамье. — Меня самого тянет порой поспорить с Аполлоном в стрельбе из лука. Я знаю, что это безрассудно, но сердце у меня сильней головы. Странно устроены мы, люди: чуть только человек превзошел в чем-нибудь толпу остальных смертных, его уже тянет стать наряду с олимпийцами. Но боги слишком горды и людей допускают к себе неохотно. Смельчака же почти всегда постигает горькая участь.

Некоторые, — продолжал Эврит, отхлебнув из золотого чеканного кубка критской работы, — для того, чтобы возвыситься до божества, идут иным путем. Их более всего привлекает красота бессмертных богинь. Вспомним судьбу Иксиона, покушавшегося на Геру, Пиренея, напавшего на муз. Я уже стар, но сердце мое по сию пору трепещет, когда стрела с гуденьем пронзает одно за другим прикрепленные на жердях узкие кольца…

Затем царь Эврит стал рассказывать о том, как пришел к нему недавно по пути один фиванский герой, некогда обучавшийся у него стрельбе из лука.

— Это — сын царя Амфитриона и Алкмены. Он, впрочем, напившись неразбавленного вина, стал отрекаться от своего почтенного отца и уверять, что он сын самого Тучегонителя Зевса. По этой причине он стал вести себя самовластно, как бог… Я еле отнял у него мою Иолу, которую облапил этот наглец, и с помощью рабов выгнал за дверь пьяного бродягу… Он проспался во рву под стенами башен, а потом ушел, обещая вернуться и

разгромить мою Ойхалию… Иола долго плакала и не могла успокоиться… Не знаю, как могли за него отдать Деяниру, сестру славного героя Мелеагра, на которой он женат… Но зачем ты так стремишься уходить? — сказал седовласый царь, видя, что сын Филаммона поднялся со скамьи и направился к нему благодарить за гостеприимство.

Фамирид торопился уйти от радушного Эврита, наделившего его на прощанье новым плащом, хитоном и крепкими сандалиями, а также пищею и вином. Снабженный всем этим сын Аргиопы скоро уже шагал по направлению к Фракии, оставляя за собою сложенные из гигантских каменных глыб крепкие стены Ойхалии, с ее высокими башнями по углам и по обе стороны крепких, массивных ворот.

В ушах героя еще продолжали звучать робкие мольбы геликонской нимфы: "Не уходи от меня! Ты мне так дорог. Не разрывай бедной наяде сердца горькой разлукой! О, как вы, люди, безжалостны!"

* * *

Тихая скорбь томила душу фракийца.

Он подошел к Стримону, волны которого играли под солнцем серебристыми блестками.

Выбрав удобное место на берегу, певец омыл себе ноги и руки, а затем совершил возлияние Аполлону, золотые лучи которого пронизали светлую струйку скользящей из тыквы на луговые травы холодной чистой воды.

День был чудный, и колесница солнца находилась в зените. Пальцы Фамирида сами собой взялись за плектр, который проворно забегал по струнам кифары. И все, что накопилось за это время на сердце, стремилось излиться в печальной, торжественной песне.

— Привет Тебе, Аполлон, чтимый на Делосе и в Ликии, ежедневно обтекающий землю, Златоволосый, в огненной тиаре, сын олимпийца Зевса. Я, Твой потомок, идущий на гибельный подвиг, накануне, быть может, печального дня приветствую сияние Твое. Вдохнови мою песнь, о славный бог! Не дай посрамиться Твоему внуку!.. Отрываясь от сладостных струн, рука посылает Тебе мой поцелуй!..

Внезапно слегка зашипела вода у берега, и обнаженный могучий речной бог выставил из нее свое желтоватое полное тело. Увенчанное зеленою осокою с белыми кувшинками чело, под которым сверкали два влажных блестящих глаза, повернулось

к фракийцу. Облокотясь на берег, бог Стримон обратился к Фамириду:

— О каком гибельном подвиге пел ты, о смертный? Твой голос понравился мне, и я хотел бы тебе помочь. Расскажи, что с тобой случилось.

— Благодарю Тебя, о бессмертный, но Ты вряд ли сумел бы помочь мне. Я вызвал на состязание муз. По всей вероятности, они не захотят признать себя побежденными, хотя бы и спели хуже, чем я, и наверно постараются отомстить в случае неудачи.

— Сколько же их числом и как узнать ту, которая главенствует в хоре? — деловито гладя зеленоватую бороду, спросил речной бог.

— В хоре их начальствует самая старшая муза — темнокудрая, белорукая Каллиопа. Она красивее всех лицом и лучше других поет сочиненные ею песни. Без нее музы вряд ли решились бы на состязанье со мною.

— Путник, ты мне понравился. Я желал бы тебе помочь. Научи меня теперь, как отличить Каллиопу от прочих сестер. Мне так бы хотелось на нее посмотреть!

— Голова этой музы увенчана лавром, и золотые шпильки с цикадой вколоты у нее в волосах; края хитона ее вышиты красными фигурами невиданных здесь птиц и зверей. В руках у этой богини складные дощечки.

— Благодарю. Если ты останешься цел — приходи рассказать мне о твоей победе, а я покажу тебе тогда своих дочерей. А пока сыграй и спой мне что-нибудь еще на прощание. За это я прикажу волнам не сталкивать тебя в ямы во время твоей переправы, а маленькая водяная птичка покажет тебе самое мелкое место.

Божество погрузилось в свою родную реку, а Фамирид запел старую песню об Аполлоне, преследующем прекрасную Дафну.

— Не волк догоняет ягненка, не олень бежит от льва, и не сокол ловит робкую горлицу. За дочерью Пенея, сгорая от любви, устремляется пламенный Феб.

Развеваются тонкие одежды. Распустились пышные волосы. Легче стрелы убегает прекрасная Дафна. Быстро мелькают ее белые ноги.

Не спеши от меня, прелестная нимфа! Тернии исцарапают тебе колени. Не пощадят лица твоего гибкие ветви. О камень ты ушибешь свои нежные пальцы…

Сердце сына Латоны ты уносишь с собою. Пожалей влюбленного бога. Дай охватить руками твой гибкий розовый стан!.. Ты моя! Я поймал тебя, о недоступная Дафна!

Ты и теперь не отвечаешь на ласки. К небу простираешь ты руки. Твердеет стройное тело… О дочь Пенея, неужели ты

обращаешься в дерево?

Все равно я не расстанусь с тобою! Ты будешь моей, и листья твои украсят чело влюбленного бога. Аполлон нежно целует твою, корою покрытую, грудь!..

Прозвенел последний грустный аккорд, Фамирид подобрал края одежды и стал переходить через реку. Маленькая птичка, весело пища, летела перед ним над самой водою…

Времени до состязания оставалось уже немного, и певец ничего так не боялся, как опоздать. Сын Филаммона еще не решил, о чем будет он петь и играть перед своими соперницами. Ему одинаково нравились и таинственные фракийские гимны об Ойносе, Зевсовом сыне, и о страданиях гордого, непреклонного Прометея. Фамирид старался сосредоточиться на обеих темах, но нередко Вместо них в его воображении вставало ласковое лицо слегка задумчивой нимфы, заслоняя гигантский образ прикованного к кавказским скалам титана или скорбного Зевса, принимающего окровавленное сердце безвременно погибшего Загрея. Певцу казалось, что он слышит тихий умоляющий шепот в шелесте листьев, в дуновении ветра, в серебристом журчании горных ключей. И порою фракийцу страстно хотелось вернуться в небольшую лощинку у подножья геликонских холмов, где ждали его маленькие нежные руки и ненасытные уста опоясанной зелеными травами легкой и стройной наяды.

Но сын Филаммона не поддавался пленительной грезе и твердо шел к высотам Пангея, куда увлекали его неумолимые мойры.

* * *

Была лунная ночь. Серебряный свет заливал каменистую гладкую площадку на вершине Пангея.

Внизу слегка трепетала листва тополей, но темные очертания кипарисов и пиний оставались неподвижны. Обыкновенно пустая вершина горы теперь была полна оживления. Несколько кентавров, держа в могучих руках ярко горевшие смоляные факелы, замерли в неподвижных позах. Красноватое пламя озаряло их грубые черты и черные бороды.

Любопытство и страх были написаны на лицах толпы окрестных, взволнованных событием, ореад. Седой мохнатый сатир, неизвестно зачем приковылявший, хромая поврежденной где-то ногой, сновал от одной группы к другой. Некоторые лесные темнокосые нимфы приехали верхом на грациозных ланях. Толкая прочь от себя ничего не понимающих шаловливых

панисков, шептались взволнованные ожиданием, издалека пришедшие нимфы дубрав — альсеиды.

Их взоры переходили от неподвижно стоящей человеческой фигуры в грубом шерстяном платье и с кифарой в руках к группе стройных, одетых в золотистые хитоны, чем-то взволнованных муз. Последних было восемь; они заметно тревожились отсутствием старшей сестры, внезапно отставшей от них при переправе через Стримон.

Тихим голосом говорили они об исчезновении Каллиопы. Некоторые из муз стали даже подумывать о том, чтобы отказаться от поединка.

— Быть может, Каллиопа успеет прийти к концу состязания, — выразила предположение Клио.

— Но почему она так долго не идет? Что бы такое могло с нею случиться?

— Просто она хочет неожиданно явиться в конце и своему появлению приписать всю честь победы, — с жаром сказала Мельпомена.

— Она думает, что мы не сумеем одержать верх и без нее, — прибавила, поправляя венок, Полигимния.

— Право, не лучше ли отложить, — послышался чей-то робкий голос.

— Ну вот еще! Наглец может подумать, что мы испугались. Посмотрите, как поглядывают на него нимфы. Если мы уклонимся от состязания, весть о нашем отказе покроет нас вечным стыдом!

Мало-помалу все вокруг успокоились. Даже маленькие паниски притихли и, засунув в рот пальцы, не без страха смотрели, как одна из восьми величавых божественных сестер выступила вперед и громким, звучным голосом произнесла:

— Вы, пангейские ореады, вы, гамадриады и нимфы источников, ты, с заостренными ушами, покрытое шерстью племя сатиров, вы, легконогие, твердокопытные полубоги и полукони, — всех вас призываю я в свидетели того, что случится. Дерзостный сын Филаммона хвастливо утверждал, будто он не боится состязания с нами. Мы, божественные сестры, дочери Мнемозины, снизошли до того, чтобы принять его вызов. И теперь мы просим всех вас быть судьями нашего спора с этим дерзким фракийцем.

— Он фракиец, — шепотом пронеслось по рядам столпившихся нимф.

— Он сын Аргиопы, — передавали более осведомленные о Фамириде горные нимфы.

— Однажды я держала его на руках, — тихо произнесла одна

из ореад. — Малюткой он заблудился в горах и провел со мною почти целый день. Он нисколько не боялся и не плакал. Я дала ему черешен и долго с ним возилась и играла, пока ребенок не заснул под вечер у меня на коленях. Тогда я отнесла его, сонного, и положила у порога хижины гиперборейца Оленя. Оттуда выбежала большая мохнатая собака, обнюхала положенного мною на траву ребенка и легла рядом охранять его сон… Тогда Фамирид был такой маленький и так сладко спал, пока я баюкала его тихою песней… А теперь я сама была вы не прочь подремать у него на коленях, — со вздохом закончила ореада.

Музы решили не откладывать состязания.

— Начинай же, земнородный, свою человеческую песню. Мы терпеливо будем тебя слушать! — воскликнула Полигимния, принявшая вместе с Мельпоменой предводительство хором.

В ответ на эти снова Фамирид сбросил с себя плащ и невольно поднял взор к небу, словно надеясь получить вдохновение от Локсия. Но небеса были черны, усыпаны звездами, а вместо огненной колесницы бога солнца там бесстрастно светился большой серебряный щит его непорочной сестры.

Фамирид стоял теперь совсем без одежды, облитый лунным сиянием, неподвижный и белый. Одно лишь изображение лебедя темнело на его широкой груди.

Нимфы смотрели на Филаммонова сына сочувственным взором.

Не найдя вдохновения в небе, фракиец потупил лицо, устремляя глаза на Мать Гею, и неожиданно для самого себя запел сперва глухо, потом все звонче и чище монотонную, торжественную песнь:

Гея, древняя Гея,
Хаоса дочь святая,
Мать и жена Урана,
Много богов родила ты,
Много родишь ты новых…
Славьте гимном певучим
Гею — мать вдохновений,
Гею — царившую в Дельфах,
Чтимую в шумных Афинах,
Гею, которой гимны
Льются у волн Эврота;
Ветви дубов священных
В рощах мирной Элиды
Славу шумят богине.

Пойте, люди и боги,
Зеленогрудую Гею!
Ей чело увенчали
Желтые нивы, зрея;
Стан опоясали реки;
Всю — Океан обнимает…
Время, как сны, проходит,
Годы сменяют годы…
Боги богов сменяют…
Ты лишь одна, о Гея,
Мать бессмертных и смертных,
Вечно, пока есть люди,
Будешь внимать мольбам их.
Пойте и славьте Гею!

Фамирид кончил, ощущая глубоко неудовлетворенное чувство в своей душе. Но нимфы, видимо, были к нему расположены, и сочувственный гул одобрений прокатился по их рядам.

— Смотри, как он красив, озаренный светом луны. О, зачем я никогда раньше не встречала его в горах!

— Тс! Кажется, музы начинают!

Действительно, музы начинали:

Золотые звонкие струны
Аполлоновой лиры вещей
Победителя мощного Зевса
Перезвоном сладким прославьте!..

От Зевса божественные сестры перешли к обутой в золото Гере, а за нею долгою торжественною песней одного за другим славили прочих олимпийцев. Пению вторили мелодичные струнные звуки нескольких лир, голоса божественных сестер звенели, как серебро, сперва мягко, потом все грозней и грозней. Они пели о могуществе опимпийцев.

Кто, дерзновенный,
Смеет безбожно
Власть их отринуть?..
Кто не боится
Грозных перунов
Гневного Зевса?
О, как ужасна

Участь гигантов!
Казнь Тифаона!
Сгинет безумец;
Зевс разъяренный
Громом и бурей
Сворою фурий
Сгубит его!

Музы кончили. Кругом стоял нерешительный шепот. Два кентавра втихомолку спорили между собой, чья песня лучше.

Нимфы сочувственно глядели на Фамирида и, видимо, не собирались присуждать пальмы первенства его соперницам. Мало-помалу среди слушателей воцарилось глубокое молчание. Тишина эта проникла в сердце Фамириду, он как бы вдохновился ею и начал вновь:

О, Тишина ночная,
Славная дочь титана,
Траурной звездною ризой
Скрой Лицо свое, Лето!
Гимн пою я печальный.
Будет некогда время:
Холодом тайн объята,
Гея сном непробудным
Тихо заснет навеки.
Время течет, как реки.
Воля судеб жестока.
Сгинет славное племя
Светлых богов Олимпа.
Облаком дымным растает
Сам Зевес Громовержец;
Все потомство Кронида
С ним пропадет навеки…
Слышу я рев и топот
Черных воли Океана.
Он ледяные оковы
Хочет разбить и сбросить…
Гневен голос могучий…
Тщетны усилья титана:
Тщетно зовет он Феба.
Феб его не услышит…
Властны веленья Рока.
Вместе с другими богами
Сгинешь и ты, сын Лето!

Словно искорка света
Твой ореол угаснет…
И как лебедь пред смертью,
Я, твой жрец и потомок,
Шлю привет Аполлону!

Очередь была за музами. Они поняли, что перед ними находится опасный противник, и решили подействовать на судей-нимф целым рядом песен, в каждой из которых было указание на то, как печально оканчивается состязание с бессмертными богами.

Пение начала Урания:

Возле престола Кронида,
Свесив могучие крылья,
Сладкою грезой объятый,
Царственный дремлет орел.
Зевса посланник пернатый,
Вздрогни, хищная птица,
Мощно взмахни крылами
И на безбожника гневно
С синего неба ударь!..

Последние слова, произнесенные со страшною силою и поддержанные аккордом нескольких лир, произвели сильное впечатление.

— А что, как и вправду орел спустится да всех без разбора клевать станет? Накликают еще, чего доброго! С них ведь всего станет! — недовольно шепнул один кентавр другому.

— А это на что? Пусть только сунется! — ответил собеседник, показывая слегка трещавший пылающий факел.

В это время музы начали петь другой гимн про дочь колофонца Идмона — Арахнею, вступившую в состязание с Палладой.

— Тише вы! Слушать только мешают и дорогу загораживают, — ворчала сзади кентавров, поднимаясь на цыпочки, какая-то рыжая горная нимфа.

Пурпуром тирским
Крася одежды,
Ты Возгордилась.
Тритогенею
Смертная дева

Вызвать дерзнула… —

доносились отрывки хора.

— Не топчись, о животное! — бранилась та же самая нимфа, густою толпою слушателей припертая к лошадиному крупу. — Ногу мне отдавишь!

От Арахнеи перешли к злосчастному сатиру Марсию, дерзнувшему состязаться с Аполлоном.

…Фригии дальней равнины,
Место победы славной!
Вспомним горькую участь
Фавна, флейтой Паллады
Сердце пленявшего нимфам.
Пойте, звонкие струны,
Марсия злую погибель!
Сам Аполлон с живого
Снял с него кожу, и вопли
Богу не тронули сердца,
Так был наказан дерзкий…

— Скажи мне, отец мой, что будут делать музы с этим человеком? — спросил маленький курчавый паниск у высокого рыжеватого сатира с неровною, местами вылезшею шерстью.

— Не знаю. Вероятно, тоже шкуру сдерут, — ответил тот.

— Неужто сами? — вмешалась в разговор небольшого роста, тоненькая, скорее похожая на мальчика нимфа.

— А ты думаешь, они не умеют?.. А то нас попросят — мы поможем.

— Посмейте только! Сами потом не рады останетесь! — последовал горячий отпор со стороны нимфы.

Музы кончали в это время песню о победе своей над сиренами:

…Далеко за белыми гребнями
Волн седых Океана
Гимны поют печальные
Чайкам и рыбам они.

Чистые голоса феспиад звенели и разливались среди ночной тишины. Маленькие паниски всецело обратились в слух и казались облепившими уступы скал неподвижными комочками

шерсти. Сатиры и кентавры слушали сосредоточенно и серьезно. Но нимфы делали вид, что пение муз им надоело.

— Как они долго поют и все хвалят самих себя. Нельзя так утомлять противника! Ну, слава богам! Кажется, кончили!.. Нет — опять начинают!

Действительно, божественный хор начинал петь о дочерях македонца Пиерия.

О, холмы геликонские,
Видели вы македонянок,
Девять их было, как нас.
Дщери Эгиппы тщеславные,
Как сравнить вы осмелились
Ваши гимны безбожные
С песнью музы божественной!
Вас поражая карою,
Всех в сорок обратили мы.
Вечно помнить вы будете
Девять девственных муз!..

Едва они кончили, полный пылкого задора, запел, забывая про опасность, Фамирид.

Он внезапно догадался, чему он был обязан отсутствием Каллиопы.

Вас не девять, а восемь!
Где же старшая муза?
— Там, где Стримон струится,
Нимфы стеклись и фавны;
Слушают шепот нежный…
В мощных объятиях бога,
Бога реки Стримона,
С тихой улыбкою счастья
Муза лежит Каллиопа.
Сброшен хитон золотистый.
Лавры с кудрей упали…
Пылко, забыв про гордость,
Муза лобзает бога.
Муза стонет от неги.
Нимфы и фавны смеются…
радуйся, хор феспийский!

Насмешливая песня Фамирида умолкла. Среди всеобщей

тишины еще звенел последний аккорд его кифары. Но тишина тянулась недолго. Дружный вопль негодования прогремел среди феспиад, и сестры толпою ринулись на обидчика. При свете факелов мелькнули светло-золотистые хитоны и с угрозою взмахнувшие в воздухе красивые белые руки. Эвтерпа первая нанесла удар Фамириду флейтой. В руках Терпсихоры и Мельпомены блеснули выхваченные из распустившихся черных волос золотые шпильки. Небольшая лира Эрато ударила певца по щеке. Внезапно он вскрикнул и схватился за лицо. Сквозь пальцы фракийца побежала темно-алая кровь.

Обступившая своего врага толпа феспиад кричала так грозно, что испуганные нимфы толпою бежали с места состязания, спасаясь от гнева всемогущего Зевса и великой титаниды Мнемозины. Опасаясь, как бы и им не пришлось потерпеть от божественной ярости, фавны и сатиры тоже бросились вниз по каменистой тропинке, прыгая порою со скал, как горные козы… Кругом слышались дикие крики и топот подкованных и неподкованных копыт. Кентавры побросали факелы и мчались, не разбирая дороги, давя и сшибая с ног остальных беглецов. Пронзительно вопили и плакали маленькие мохнатые паниски…

Скоро на горной вершине остались только распростертый, истоптанный божественными ногами Фамирид и гневные музы. С золотых шпилек богинь густыми каплями стекала на каменистую почву кровь ослепленного певца.

Полигимния подняла выпавшую из рук противника кифару и разбила ее об утес.

В последний раз прозвенели ее мелодичные струны…

Ярость богинь мало-помалу стихала. Они собрались в кучку и молча глядели на неподвижное, похожее на бездыханное тело врага.

— Что мы скажем Аполлону? — тихо, потупив глаза, спросила Урания.

— Как что? Сестры, разве вы не слышали, как этот смертный поносил богов? Разве мы не должны были вступиться за честь Олимпа? — с жаром воскликнула Мельпомена.

— Мы сами пойдем к отцу и расскажем ему о том, что здесь случилось, — подтвердила Полигимния.

— В случае чего можно прибавить, что безумец хвалился, будто Гиацинт любит его больше, чем Феба, — предложила одна из сестер.

— Это так подействует на сына Латоны, что он не станет сердиться на нас, — согласились другие.

— Кроме того, нам надо сыскать Каллиопу. Что, если с нею произошло то самое, о чем говорил безбожник?

— Найдем и ее. Беспокоиться нечего. В крайнем случае у Орфея родится маленький брат или сестра, — спокойно заметила Клио.

Легкою стайкой поднялись на воздух и скрылись в ночной темноте божественные сладкоречивые сестры.

На вершине Пангея остался один только Фамирид.

Понемногу к нему вернулось сознание. Певец застонал, встал на ноги и дотронулся рукою до окровавленных глаз. Жгучая боль убедила фракийца, что все бывшее с ним не сон, а действительность.

Нетвердой походкой сделал сын Филаммона несколько робких шагов.

Неожиданно он наступил на обломки кифары, нагнулся, поднял один из них и, поняв, в чем дело, скорбно воскликнул:

— О Аполлон, Аполлон! Неужели Твой жрец навеки ослеп и никогда не увидит дневного света, моря, гор и покрытых яркими цветами полей?..

Нет! Я пойду в Дельфы. Здешние фавны и нимфы проводят меня до самых пределов города. Я принесу там обильные жертвы, и Ты исцелишь своего внука! Исцелишь!.. Ведь возвратил же Ты зрение ослепленному Ориону!..

Сам или через сына, но Ты излечишь меня в своем святилище!

Тогда я сделаю себе новую лиру. Я еще не побежден, и горе обидчицам музам! Я сложу о них такие песни, что они пожелают умереть от стыда и досады. В моей душе кипят и рвутся наружу новые силы… И отомстив, я отыщу у подножия Геликона свою юную маленькую нимфу!..

Неуверенным шагом, простирая руки, стал Фамирид спускаться с Пангея. Но прошел он немного. Не заметив одного из крутых поворотов, несчастный оступился и с криком свалился в пропасть. Тело певца несколько раз ударилось о выступы скал, и острые камни оросились его горячею кровью.

Спустя несколько дней кучка охотившихся в ущельях сатиров набрела на полусъеденный лисицами труп Филаммонова сына и похоронила его в горной расселине, завалив каменьями жалкие останки человеческого тела.

Лишь после этого нашла себе успокоение скорбная тень Фамирида…

Так был наказан сын Филаммона, дерзнувший вызвать на состязание божественных муз.